

В слове «графология» привкус шарлатанства, нечто полуокультурное, в нее даже ученые «верят» или «не верят» как в нечто недоказанное. В библиотечных каталогах книги по графологии – очень старые, новых нет – стоят за разделителем «устаревшие и ненаучные методы». Но пока она числилась в этом разделе, создан и удостоен бронзовой медали ВДНХ анализатор почерковых движений, который на основе почерка определяет физиологические и психологические характеристики человека. Может быть, методы, которые наука уже не может себе позволить, потому что пока еще не может объяснить, – это методы будущего?

Графология возникла не из научных теорий, а из наблюдений, ею занимались любознательные люди, к науке обычно не причастные. Графологами были люди, принимать или не принимать всерьез которых зависало только от желания. Иногда они плохо кончали и все по одной причине: давали суровую характеристику почерку неизвестного, а им был человек, критике не подлежащий. Таким неизвестным однажды оказался Людовик XIV, и графологу пришлось срочно бежать из страны.

Но вот обратили внимание на почерк психиатры: письмо душевнобольных имело столь экстравагантный вид, что трудно было этого не заметить. Писали колонками или по диагонали, буквы принимали такие размеры, что на странице их помещалось только несколько, встречались причудливые украшения и шрифты. Разные душевные заболевания сопровождались разными изменениями в почерке. Сейчас установлено, что не только психические, но и нервные, и инфекционные заболевания изменяют почерк, не говоря уже о дефектах двигательной системы. Для некоторых болезней, например, инфекционной хореи, изменение почерка – один из первых симптомов заболевания: буквы перекашиваются и соскальзывают с линеек. Еще один случай – повреждение мозжечка. Роль мозжечка в движении — поправка на силу тяжести и инерции. Если этих поправок не будет, движения теряют соразмерность, станут чрезвычайно размашистыми, нечеткими, неловкими. Больной не может провести линию от точки до точки, он обязательно проведет ее дальше. Провести окружность тоже невозможно, так как рука все время стремится уйти по касательной к кругу, и необходимо постоянное произвольное усилие, чтобы изменить направление. Эти больные пишут рывками, лишенными плавности. Взглянешь на такой почерк – отсутствие соразмерности и четкости вызовет ощущение беспорядка. И это соответствует действительности: больной с нарушенной координацией не в силах точно выполнять какую-либо работу.

Есть в коре головного мозга зоны, нормальная работа которых необходима для того, чтобы объединить отдельные звенья движений в «кинетическую мелодию», по выражению советского исследователя движений Н. А. Бернштейна. Нарушилась работа этих зон – и нарушена динамика движений, плавный переход от одного движения к другому. Такой человек будет писать изолированными буквами, а у тяжело больных распадаются на части и сами буквы. Но к этому не сводятся последствия болезни. Люди с нарушениями этих зон головного мозга хорошо

удерживают в голове заданную программу действий, но не в состоянии ее выполнить. В практической деятельности они беспомощны. Старым графологам ничего этого известно не было, но они писали про почерк с изолированными буквами нечто похожее: «Неумение реально воплотить свои идеи в жизнь. Не может целесообразно творить мыслить, жить. Очень несуразно ведет свою богатую внутренним содержанием жизнь. Больше теоретик, чем практик».

Это, разумеется, не значит, что у тех, у кого разорванный почерк, поражена часть мозга. Это значит, что между разорванным почерком и некоторыми психическими свойствами существует связь. Не от таких ли подспудных связей разных психических функций возникает у нас ощущение целостности любого человека? Графология исходит именно из целостности, хотя не всегда может объяснить ее сущность — она лишь перечисляет внутренне связанное.

У Лермонтова в «Герое нашего времени»: «Его походка была небрежна, ленива, но я заметил, что он не размахивает руками — верный признак некоторой скрытности». О характере человека писатель судит по его движениям. На каком основании? Очевидно, именно такая походка часто совпадала с этой чертой характера; совпадения заметили так давно, что одно стало «верным признаком» другого. В графологии то же: накапливались наблюдения, устанавливалась связь между двумя рядами фактов — особенностями почерка и характером. Некоторые связи были довольно очевидны. «Чудак (оригинал) пишет своеобразно, поэтому его легко и узнать». Другие не столь ясны: «Сильный наклон выражает большую впечатлительность». С одним из признаков почерка графологи связывали разные черты характера, каждый трактовал его по-своему, но любопытно, что все эти черты присущи одному роду людей: истерикам. И та же связь движений — наклона — характера: «Когда кто-то желает показать пренебрежение, равнодушие к другому, он держит себя прямо. Напротив, радушие подается всем корпусом вперед. К дитяти невольно протягиваются руки, когда оно подбегает к нам, но есть люди, во всем остальном достойные уважения, но дитяти руки не протягивающие, — это те, которые пишут стоячими вертикальными буквами».

В те времена, когда письмо было профессиональным искусством — каллиграфией — была очевидной связь письма не только с техникой, умениями и способностями мастера, но и с его духовным и нравственным обликом, то есть психикой. Средневековые трактаты о каллиграфии пестрят изречениями, это подтверждающими: «Чистота письма — чистота души». «Красота письма — язык руки и изящество мысли». «Когда сердце свободно от суеты, письмо бывает хорошим». «Опора науки письма в добродетели». Каллиграфу предъявлялись суровые требования аскетизма, ибо для «чистого» письма нужен человек, наделенный громадным самоконтролем, с жесткой внутренней организацией, чтобы из психики в письмо не проникало лишнего, искажающего форму.

Причины связей оставались непонятными: графологи объясняли их редко и неубедительно. Необъяснимое наука признает неохотно — лишь под давлением статистики. Именно под давлением статистики признана связь наших движений с памятью, вниманием, с общим интеллектуальным развитием.

Н.А. Бернштейн отметил, что больше всего механику движения живого отличает от машины «избыточность степеней свободы». Одно и то же действие можно совершить множеством способов. Условно можно отделить в действии то, что необходимо для достижения цели, и то, что может быть связано с личностным смыслом этого действия. Когда мы подходим к какому-нибудь предмету, мы делаем необходимые движения ногам, но наше туловище и голова могут показать, насколько это нам приятно. В простейших случаях движение к объекту говорит о положительном отношении к нему, движение от объекта — об отрицательном, сохранение прежнего положения — о безразличии. Эта связь была научно доказана в

1930-е годы исследователями Московского института дефектологии. Представьте себе человека, который, встретив друга, вместо того, чтобы лететь к нему сломя голову, устремив вперед туловище и протянув руки, спокойно поджидает его, стоя на широко расставленных ногах или развалившись в кресле. Смысл его позы не только в недостаточной привязанности к другу, но и в большом уважении к собственной персоне.

Психологический смысл геометрии движений используется в изобразительном искусстве. Люди и фигуры будут развернуты вправо или влево, если на картине есть центр, притягивающий их чувства. Мандолина устремлена к Христу, голова Мадонны склонилась к младенцу. Фигура Будды всегда выпрямлена: тут полная самодостаточность. Конечно поза Будды – не прихоть скульптора, но разве случайна связь этой позы с учением буддизма?

В 1936 году был в Испании сконструирован аппарат для отбора летчиков из кандидатов. Исследователей удивило то, что ошибки в оценках положения тела в пространстве располагались не случайно, но в определенном для каждого направлении: одно из направлений в пространстве преуменьшалось, другое – преувеличивалось. Тип ошибок был прямо связан с эмоциональным состоянием и некоторыми особенностями поведения кандидатов, например, их склонностью к наступлению или отступлению.

Неосознанное напряжение мышц сопровождает все наши душевные движения. Многие свои мысли мы незаметно для себя «проигрываем на пальцах». Если человек находится в каком-то стойком эмоциональном состоянии, например в состоянии тревоги, или есть стойкая тенденция в поведении, например та же тенденция к наступлению или отступлению, то это проявляется в стойком напряжении отдельных мышечных групп. Различия в тоне мышечных групп будут источником различий в мышечно-двигательном чувстве, и поэтому каждый склонен по-своему оценивать положение в пространстве. На этом принципе построена методика «миокенестической психодиагностики» испанского психолога Миры Лопеца. Испытуемых просят нарисовать линии, круги, цепи, зигзаги не глядя на бумагу, и по направлению типичных отклонений от линий-эталонов судят о преобладающих мускульных напряжениях. Сильное преувеличение длины линий по сравнению с эталоном трактуется как показатель эмоционального возбуждения — как и крупный почерк в графологии. Диагностическое значение подобных тестов подтвердили ленинградские психологи в лаборатории Б. Г. Ананьева, использовавшие в своих исследованиях элементы этой методики.

Раскрытие связей между почерком и характером – это раскрытие самых интимных и в то же время наиболее общих внутренних связей. Увлекательный пусть, где простое уводит в глубину, где то, что казалось тупой аналогией, оборачивается неожиданной стороной. Вот рука движется по бумаге. Для этой работы, как и для всякой другой, нужны затраты энергии, и ее можно истратить больше или меньше. Одно и то же слово можно написать большими или маленькими буквами и можно при этом нажимать на бумагу с большей или меньшей силой. Зависеть это будет от работы энергетического блока мозга. «Энергетический блок» для нейрофизиологов – участки мозга, с которыми связаны аффекты и влечения, а так же общая активность коры. Есть клинические доказательства связи энергетических характеристик почерка с работой этих зон. У больных с поражением одного из участков этого блока – медиальных отделов коры – снижен тонус, изменен характер эмоций, а пишут они очень мелкими буквами. Графологи отмечали: «Сильный нажим означает развитость чувственных влечений». О крупном почерке: «Энергичность, развитость чувственных влечений» и много другого, что для нас звучит наивно: «Люди, пишущие крупными буквами, не мирятся с обыденными обстоятельствами. Им нужны высокие цели, великие задачи. Крупный почерк говорит о благородной гордости, возвышенной душе

и самовеличии. Крупный почерк указывает на тщеславие и развитое чувство собственного достоинства, склонность к размаху, общительность, желание выдвинуться». Если разобраться, то во всех этих утверждениях есть нечто общее: все это возможно в человеке при повышенной возбудимости, активности влечений. Наоборот, сдержанность, расчетливость, самообладание, наблюдательность, которые приписываются мелкому почерку, возможны при силе тормозного процесса и сниженном общем тоне.

Почерк – застывшая мелодия, исполняемая мышцами. Но это не игра по нотам. В мозгу не записана формула движений, нужных для написания буквы. В мозгу запечатлен ее образ. В нашем письме лишнего – добавочной информации, – как правило переизбыток, о рисунке букв мы заботимся редко, наша задача – написать слово, букву, и тут вступает в силу закон избыточности степеней свободы, так как есть бесконечное множество способов выполнить эту задачу, Мы не заботимся о рисунке букв сознательно, но подсознательно мы его выбираем. Стремясь к одним формам и отвергая другие, мы выдаем тем самым вкусы и предпочтения, жизненный стиль.

Тут работает и закон обратной связи. С одной стороны, наши физиологические и психологические особенности как бы диктуют подсознательный выбор рисунка букв. С другой – некоторые геометрические понятия превратились в символ, к смыслу которого мы может как-то относиться, принимая или отвергая его. «Острые углы» ассоциируются с упорством, резкостью, неуступчивостью, и есть психофизиологическое обоснование этой связи, но если упорство и резкость нам неприятны, мы будем избегать в письме острых углов, потому что ощущаем эту связь.

Советские психологи обратились к почерку в 1920–1930-е годы, они установили связь почерка с телодвижением, исследовали разницу между почерками астеников и пикников. Но вскоре графологии было отказано в праве на существование и исследования прекратились.

Однако осталось судебное почерковедение. Его самая распространенная задача – идентификация. Идентифицировать – значит установить, что два рукописных текста принадлежат одному и тому же лицу. Для этого нужно было классифицировать признаки почерка и научиться описывать их максимально точно. Логично, что в конце концов линию элемента буквы поместили в систему координат и описали ее математически. Почерковеды занялись математической статистикой, теорией вероятности, кибернетикой. Стали изучать возможности техники: электронно-вычислительные машины, распознающие образы, циклографические методы, выявляющие структуру – графическая регистрация биоэлектрической активности, возникающей в мышцах при их работе. Электромиографией стали заниматься, чтобы найти наиболее устойчивые признаки почерка, но смысл полученных данных оказался психофизиологическим. По ним возможно диагностировать тип нервной системы. Ломанная линия на ленте – характеристика мельчайших изменений нажима, которые зафиксировал миниатюрный прибор, спрятанный в корпусе ручки и тонким проводом соединенный с электросамописцем. Так работает анализатор почерковых движений, созданный московскими конструкторами. Используется он не только криминалистами, но и там, где необходимо отбирать на работу людей с определенным типом нервной системы.

К графологии судебное почерковедение приходит и с другой стороны: часто почерк – единственный свидетель того, в какой обстановке и в каком состоянии был писавший, и тогда нужно заставить этого свидетеля говорить. Такая задача обратила почерковедов к теоретическому осмыслению связей между почерком и личностью, к новым исследованиям. Как влияет на изменение почерка физическая усталость? Состояние возбуждения или торможения? Душевное волнение? Те, кому необходимо из исписанного клочка бумаги получить максимум сведений, хотят знать законы

зависимости между психикой и почерком. Правда, слово «графология» они не употребляют – как неприличное.

Научная обоснование графологии не делает ее научным методом. Она слишком синтетична, слишком сродни искусству – воспринимать почерк почти что воспринимать изобразительное искусство, не каждый может.. Но как бы ни развивались методы диагностики, лучшим останется тот врач, который может поставить диагноз не только по данным анализа, но и по виду больного, И есть в графологии преимущество: в почерке человек ни намеренно, ни случайно не может сказать о себе неправды.